

Вия Артмане:

Нежность исчезает из искусства

Народная артистка
и сегодня
не отказывается
ни от своих работ
в кино, ни от
почетного звания.

— Для большинства жителей бывшего Союза Латвия (так уж повелось) ассоциируется с Юрмалой, рижским черным бальзамом, Раймондом Паулсом и, конечно же, с Вией Артмане. Вы догадываетесь об этом?

— Да, мне об этом неоднократно говорили. Вия Фрицевна, улыбувшись, продолжила, — только эти два имени отличаются от бальзама и Рижского взморья тем, что по качеству все же так не испортились.

— Сейчас некоторые стыдятся прежних работ, званий, наград. Как вы относитесь к своему званию народной артистки СССР? Когда, кстати, вы его получили?

— Для актрисы я получила это звание в очень раннем возрасте — в 38 лет. Тем более удивительно это для национальной актрисы, да еще сценической. Видимо, помогли картины с моим участием. Этим званием я обязана своим зрителям. Здесь, в Латвии, никто бы меня не выдвинул, как тогда было принято рекомендовать кандидатов. Потом я узнала, что люди из многих республик писали в Москву письма, в которых удивлялись, почему мне до сих пор еще не присвоили звания народной артистки СССР.

Конечно, нигде в мире званий актерам не присуждают. Они хороши лишь при выходе на пенсию или во время похорон. Но в широком смысле этого слова звание

искать в нем идеологию?

— В том предпраздничном интервью мы говорили о том, сколько вам приходится работать. Кроме того, что играли в театре, снимались в кино, вы еще и многие годы возглавляли Союз театральных деятелей республики, входили в Президиум Верховного Совета, ездили за океан как представитель Советского комитета защиты мира... Сейчас с вашей общественной деятельностью покончено?

— Я думаю, что с меня хватит общественной деятельности. У меня сейчас счастливый период — я наконец могу побывать только актрисой. В своей жизни я насмотрелась политических спектаклей.

Кроме того, мне надо очень беречь свои силы. Однажды я с сыном подсчитала, что я в среднем работала по 15—16 часов в сутки. Так что мне давно уже больше ста лет, если считать по восьмичасовому рабочему дню. Поэтому необходимо рассчитать время на новые роли в театре, на внучку, которая живет со мной. Надо уберечь ее от зла, вырастить доброй и открытой для людей.

— В павильонах Рижской киностудии все больше можно видеть шикарные лимузины, меха или другие товары, как отражение нашей сегодняшней жизни. Да и в вашем престижном латышском художественном театре в фойе тоже различные выставки-продажи...

— В прошлом году фирма «Ниссан» выставилась в нашем просторном фойе, и театр заработал на этом себе микроавтобус. А он нам был очень нужен. Я считаю, что самое, что делается с честными намерениями, хорошо.

— Хотя вы считаете себя театральной актрисой, однако снялись почти в 70 кинокартинах. Среди них — «Родная кровь». Эта роль женщины-паромщицы сразу сделала вас знаменитой. А потом мы смотрели «Никто не хотел умирать», «Театр»... Когда вы в последний раз видели себя в этих картинах, и какие ощущения они в вас вызывают?

— «Театр» довольно часто показывает ЦТ — показывало, во всяком случае. Эту ленту демонстрируют и здесь, в Латвии, бывает, что по нескольку раз в год. А «Родную кровь» я в последний раз видела в какой-то ретроспекции по Центральному телевидению. Но у меня дома есть этот фильм — это все-таки замечательная картина! О такой нежности сейчас очень мало пишут. Нежность вообще исчезает у нас из искусства, а потом мы удивляемся, почему ее нет в жизни.

А с фильмом «Никто не хотел умирать» история была кошмарная. У меня была маленькая дочь — два с половиной месяца. Желая выжить, сменил уже вторую актрису, когда пригласил меня. Так что мне пришлось вместе с малышкой ездить на съемки. Помню, несмотря на все связанные с этим сложности, я была на подъеме. Знаете, женщина после родов меняется. Бывает, что некоторые становятся легко ранимыми, раздражительными. А у меня, помню, была прекрасная пора...

— В сентябре вы отмечали круглую дату. Наверное, подводили какие-то итоги. Вы удовлетворены личным «гамбургским счетом»?

— Я как-то сказала себе, что, когда подойдет пенсионный возраст, играть больше не буду. Но не сделала этого. Я отсекала от себя все лишнее и посвятила себя только искусству и своим близким. Каждый день проживаю так, как будто он последний. Вчера, кстати, исполнилось восемь лет, как ушел из жизни мой муж. Он был великолепный актер, как вы знаете. И мы съездили с дочкой на кладбище, убрали могилу, цветы оставили. И я подумала: если мне сегодня вдруг придется уйти, надо прожить этот день так, чтобы не пожа-

добилась исповедь, чтобы я была чиста перед Богом, перед людьми, перед тем делом, которым занимаюсь.

— Но давайте немного отвлечемся от работы. Ведь можно быть широко известным человеком и в то же время абсолютно несчастным. А у вас растут дети, внуки. Когда я звонил вам на дачу, мне ответил, по-моему, совсем маленький мальчик.

— Нет, это была девочка. — Как она вас называет? Бабушкой? Вы не боитесь этого слова?

— Она называет меня «Ома» — что по-немецки означает бабушка. Ласкательно — «Омите». Мне приятно.

— Нынешние семейные радости все же не свалились на вас в одночасье. Вы разрывались между работой и сыном, который, если не ошибаюсь, в одно время даже пристроился к паркетникам. Сейчас все в порядке?

— Нет, наркотиков в его жизни никогда не было. Он лет десять назад работал в вокально-инструментальном ансамбле. Тогда он писал очень много песен — и стихи, и музыку, сам их исполнял. Работал в ансамбле «Опус» и разъезжал с концертами. И, как волилось, после концертов ребята устраивали вечеринки. И он пристроился к алкоголю. А потом наступило прозрение. И тогда Каспар решил, что, если он хочет вырастить своего сына, если он в ответе перед ним, то с алкоголем надо кончать раз и навсегда.

— Ему удалось перебороть себя, насколько я знаю, через уход к Богу?

— Я думаю, что да. Он имеет свой приход в церкви в Кримулде, которая действует одновременно как католическая и лютеранская. Он реставрировал эту церковь за очень короткий срок. Влез из-за этого в долги, с которыми, наверное, будет расплачиваться до конца жизни. Но зато есть церковь. Сам живет страшно скромно. Очень испортил себе нервы. Но сделал великое дело...

— Вам приходилось нелегко из-за загулов сына. Люди какие только сплетни не распускали. И о вас самой тоже. Слышал, например, что вы очень неравнодушны к вину и мужчинам. И бы скорее

поправил, что мужчины неравнодушны к вам. В картине «Театр» вы сыграли актрису-обольстительницу — непостоянную, уминую и коварную. Вы сыграли саму себя?

— Да, конечно. Я не могу сыграть того, чего нет во мне. К мужчинам я неравнодушна. Я считаю, что, если было бы наоборот, это было бы противоестественным. Но это не значит, что они все перебивали в моей постели. Однако, как ни парадоксально, самыми лучшими друзьями в моей жизни были женщины. Больше всего самых теплых признаний я получила от них.

— А какой тип мужчин вам нравится?

— Мне не нравятся нахалы. Мужчины должны быть нежными. Не вяленькими и инфантильными, а мужественными и одновременно нежными. А что касается вина, то почему бы и нет.

— Насколько вы домашний человек — в смысле чисто житейских хлопот: уборки, готовки, копания на грядках?

— Я абсолютно домашний человек. Я все делаю сама. Если бы вы меня увидели на даче, то не узнали бы. Конечно, вырачивать рассаду нет времени чисто физически, но зеленые или цветы почему бы не посадить?

— Вия Фрицевна, лет десять тому назад, признаюсь, меня немного смущало ваше отчество. И я думаю, что не одного меня...

— Да, я знаю. Меня в России часто называют Вия Францевна. Я, конечно, не делаю замечаний, но при случае упоминаю, что я Фрицевна. Понимаю, что это имя, особенно после войны, отождествлялось с фашистами. Но во время жизни моего отца, прибалтийского немца, Фриц было очень распространенное имя. Отец умер, когда я еще не родилась...

— Представьте, если бы отмотать какое-то количество лет жизни назад, как кинолентку, вы что-нибудь бы изменили?

— Я порой задумываюсь над этим. Может быть, я выбрала бы другую профессию? Не знаю, скорее всего нет. Это как судьба.

Карен МАРКАРЯН.
Фото ИТАР—ТАСС.